

УДК 81'27

Пугина Е.Ю.

(г. Москва)

ЛОКАЛИЗМЫ КАК ОБЪЕКТ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕДАЧИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с переводом текстов, содержащих «локализмы». Отмечается, что данный термин не имеет однозначной трактовки в трудах по переводоведению, что вызывает сомнения в целесообразности его использования. Делается попытка обосновать правомерность применения указанного понятия, раскрыть его содержание по отношению к определённой разновидности реалий, имеющихся в произведениях индийских авторов, и выявить специфику их репрезентации в переводном тексте.

Ключевые слова: локализм, реалия, индийский, текст, перевод, межъязыковой, передача.

E. Pugina

(Moscow)

LOCALISMS AS AN OBJECT OF INTERLINGUAL INTERPRETATION

Abstract. The article deals with some aspects connected with translation of texts containing so called "localisms". It is stated that the given term doesn't have a single interpretation in translation theory which is sometimes doubtful about the necessity of its usage. An attempt is made to prove the usage of this term, to disclose its meaning concerning definite class of realia, found in the works of Indian authors, as well as to find out the peculiarities of their representation in the translating text.

Key words: localism, realia, Indian, text, translation, interlingual, interpretation.

Среди лексических единиц, входящих в терминосистему теории перевода, термин «локализм» занимает особое и, можно сказать, еще не конца определенное место. С одной стороны, он далеко не всегда включается в категориальный аппарат переводоведения (ср. отсутствие указанного понятия в одном из наиболее известных и авторитетных справочных изданий в данной области – «Толковом переводоведческом словаре» Л.Л. Нелюбина [4]). С другой – сама целесообразность применения его по отношению к соответствующему кругу лексем, являющихся объектом межъязыковой передачи, вызывает нередко определенные сомнения.

Показательна в этой связи позиция, сформулированная в известной работе С. Влахова и С. Флорина, до сих остающейся наиболее полным трудом, посвященным вопросам межъязыковой передачи слов-реалий: «Употребление термина «локализм»... в качестве синонима реалии, с одной стороны, смещает ее значение как лексической единицы, приближая к обозначению стилистической характеристики (ср. «диалектизмы», «областная лексика»), а с другой, если допустить, что «локализм» стоит в одном ряду с таким словом, как «экзотизм», сильно сужает представление о действительном содержании понятия: отнести его можно было бы лишь к незначительной группе реалий, обозначающих «местные предметы», но лишённые национального и/или исторического колорита; специальное обозначение в этом случае два ли нужно» [2, с. 45].

Нельзя не признать за авторами процитированного фрагмента определенной правоты. Действительно: в качестве полного синонима употреблявшегося в отечественной традиции термина «реалия» понятие «локализм» применять вряд ли целесообразно. Однако, на наш взгляд, заключительная часть приведенной выше цитаты («местные предметы... лишённые национального и/или исторического колорита») содержит некоторое внутреннее противоречие. Во-первых, непонятно, что именно «местного» в таком случае присуще подобным лексическим единицам. Во-вторых, несколькими страницами ниже С. Влахов и С. Флорин предлагают следующее определение реалий в целом: «...Слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, национального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках... » [2, с. 55]. Если исходить из указанной дефиниции, то никакой «группы реалий, лишённых национального и/или исторического колорита» (какой бы «незначительной» она ни была) не может существовать в принципе...

Не останавливаясь на этом вопросе подробно, отметим, что, на наш взгляд, понятие «локализм» может быть использовано для обозначения определенного «внутривидового» типа реалий. Прежде всего, речь идет о тех случаях, когда, в силу определенных обстоятельств, наблюдается некоторое несоответствие между ареальным и лингвистическим пониманием данного термина.

Сказанное можно прояснить следующей аналогией. Для носителей русского языка достаточно привычным выглядит словосочетание «кавказский акцент», хотя, как хорошо известно, на Кавказе и в Закавказье

представлено большое количество языков, весьма разнообразных по своей генетической принадлежности, и объединять, скажем, фонетическую интерференцию в русской речи носителя грузинского, армянского и азербайджанского языков можно лишь с очень значительной долей условности. В меньшем масштабе аналогичным образом обстоит дело с «прибалтийским» акцентом: артикуляционно-акустические характеристики использующих русский язык латышей и эстонцев вряд ли совпадают.

Переходя непосредственно к теме предлагаемой статьи, отметим, что со сформулированной выше проблемой нам довелось столкнуться в ходе исследования так называемых «индийских реалий», встречающихся в англоязычной художественной литературе (главным образом, конца XIX – первой половины XX столетия). Сам по себе термин «индийские реалии» вряд ли может вызвать какие-либо возражения, поскольку, как неоднократно отмечалось в специальной литературе, «в активном словаре колониальной Англии тех лет было немало слов и словосочетаний, связанных с Индией [5, с. 235]. Однако при более пристальном рассмотрении он явно требует определенной детализации.

Во-первых, приходится принимать во внимание тот факт, что объем данного понятия несколько раз менялся. В период колониальной зависимости им охватывались, естественно, практически все лексические единицы с национально-культурной спецификой, представленные на территории Британской Индии. После раздела же ее на независимые Индию и Пакистан подобное применение уже представлялось не вполне корректным (не говоря к тому же о последовавшем в начале 70-х годов прошлого века выделении из состава последнего Республики Бангладеш, что также приходится учитывать при использовании данного термина).

Во-вторых, лексический пласт, охватываемый понятием «индийские реалии», далеко не всегда носит, если можно так выразиться, «собственно индийский» характер – что представляется вполне понятным, учитывая исторические судьбы страны. На это обстоятельство обратили внимание еще в позапрошлом столетии составители одного из наиболее подробных англо-индийских словарей: **‘The words, with which we have to do, taking the most extensive view of the field, are in fact organic remains deposited under the various currents of external influence that have washed the shores of India during twenty centuries and more’ [9, p. XIII].**

В-третьих, как отмечается и в упомянутом словаре, степень «активности слов и словосочетаний, связанных с Индией, в словаре колониальной Англии» была весьма различной. Среди них и слова, получив-

шие широкое распространение, причем не только в английском (**have been admitted to full franchise**), — типа *curry*, *veranda* и т. п., и лексемы, в целом «достаточно знакомые английскому уху, но пока что [т.е. к последней четверти XIX века — *Е.П.*] не получившие права гражданства» (**familiar enough to the English ear, though hardly yet received into citizenship**): *puka*, *chowry* и др. [9, р. XVI]. **Определенные местные особенности** («локализмы»?) имели место и собственно в том идиоме, который известен как «англо-индийский». Так, при толковании лексемы *khitmungar* (прислуживающий за столом слуга-мусульманин) отмечается: ‘**The Anglo-Indian use is peculiar to the Bengal Presidency..**’ [9, р.486]. Отметим, кстати, что в настоящее время термин «англо-индийский» применяется в разных значениях, что можно видеть по дефиниции в Оксфордском словаре (нумерация добавлена нами — *Е.П.*): ‘**Anglo-Indian... [1] relating to both Britain and India: Anglo-Indian business cooperation [2] of Indian descent but born or living in Britain [3] of mixed British and Indian parentage: the middling positions were all held by Anglo-Indian people of mixed race.[4] chiefly historical: of British descent or birth but living or having lived long in India: the late Colonel Knelle had been both Anglo-Irish and Anglo-Indian**’ [6]. Естественно, что при анализе нашего материала чаще всего приходится иметь дело именно с этим последним (ныне рассматриваемым как устаревшее) значением.

Во-вторых, этнолингвистическое многообразие Индии обусловило тот факт, что интересующие нас лексические единицы объединяются в соответствующий пласт (ср. сказанное выше) именно по ареальному признаку. С этой точки зрения, попавшие в англоязычные тексты слова на хинди, бенгальском, тамильском, телугу и др., обозначающие соответствующие предметы и явления, специфические для местного (локального, а не «общеиндийского») быта, несомненно, являются «индийскими реалиями», но могут быть достаточно чужды индийцам, не принадлежащим к данному этноязыковому коллективу.

Именно применительно к этой последней группе, поскольку входящие в нее единицы используются в написанных по-английски произведениях индийских писателей (отнюдь не «англо-индийцев», в используемом нами значении!), мы считали бы целесообразным, в первую очередь, применять понятие «локализм». Разумеется, у относящихся к ней слов достаточно много общего с другими лексическими или лексикализованными единицами, традиционно рассматриваемыми как реалии или примыкающие к ним явления. Речь идет, в частности, об иноязычных вкраплениях и/или диалектизмах. Однако вместе с тем они характеризуются определенной спецификой. В отличие от первых,

они обладают для автора не *чуждой*, а *своей* лингвокультурной коннотацией, хотя и включены в текст, языковая форма которого не является для данной культуры исконной. В противоположность вторым, они представляют собой пример не *авторской диглоссии*, а *авторского билингвизма* (подробнее о соотношении указанных понятий в интересующей нас области [1]). Действительно, вряд ли приходится сомневаться, что в подобных случаях приходится иметь дело не с одной из *форм существования данного языка*, а с *другим языком*, причем весьма отличающимся от того, на фоне которого он вводится.

Иллюстрацией сказанного может служить роман Р.К. Нарайяна «Святой Раджу» (вышел в свет на языке оригинала в 1958 г. под заглавием ‘The Guide’) и его перевод на русский язык, принадлежащий одной из виднейших представительниц отечественной переводческой традиции Н. Демуровой. Характеризуя язык оригинала (автора которого называли «индийским Фолкнером»), один из современных индийских исследователей специально подчеркивал то обстоятельство (причем, высоко его оценивая), что Р.К. Нарайян предпочитал насыщать свои произведения *тамильской* лексикой – независимо от степени освоенности последней собственно английским языком, – в значительной степени «*индуизируя*» последний. Таким образом, его творения являются блестящим образцом воспроизведения жизни, культуры и психологии тех индийцев, для которых английский являлся все-таки иностранным языком. ‘Narayan prefers to use these Tamil coinages to denote the Indianism of English language. Even in his matured works Narayan had used the Tamil terms reverentially as if they are common to English readers. With use of these Indian terms like ‘Jutka’, ‘Bharat Natyam’ and ‘darshan’ etc. Narayan has made his language highly comprehensible with touches of Indianness. Narayan’s language is a brilliant specimen to represent the life, culture and psychology of state where English is a foreign language’ [7, p. 41–42].

При несомненной справедливости процитированных выше слов нельзя не отметить, что их автор допускает в определенной степени подмену тех понятий, которые выше выделены курсивом. Т.е., отмечая обильное использование писателем тамильской лексики, он квалифицирует данный прием как «индианизацию» в целом, а не «тамилизацию», что, наш взгляд, не вполне одно и то же, поскольку речь идет не о некоем обобщенном «общеиндийском» колорите, а о вполне определенном южноиндийском. В качестве аналогии (возможно, не вполне удачной) можно привести следующий пример: если в произведении на английском языке, описывающем татарскую действительность, будет обильно представлен соответствующий лексический компонент, то

вряд ли кому придет в голову говорить о «русификации» в данном тексте английского языка, хотя Республика Татарстан, как известно, составляет часть Российской Федерации...

Приведем несколько примеров из названного романа и его русского перевода, наглядно демонстрирующих указанные моменты:

It was what he called a pyol school, because the classes were held on the pyol of the gentleman's house [8, p. 23].

Она относилась к числу так называемых «галерейных школ», потому что уроки проводились на галерее, тянувшейся по фасаду его дома [3, с. 35].

В оригинале наше внимание, естественно, привлекает словосочетание *pyolschool*, переданное в переводе методом калькирования как «галерейная школа». В чисто лингвистическом плане такую передачу, вероятно, можно считать оправданной (хотя индийские авторы чаще применяют в данном случае в качестве эквивалента лексему 'veranda(h)'); **однако со стилистической точки зрения нельзя не признать**, что определенная часть фоновой информации остается для русского читателя недоступной. Как отмечали индийские исследователи (см., в частности, [7]), это слово относилось к числу одного из наиболее часто использовавшихся писателем лексических средств, подчеркивавших не просто индийский, а именно южноиндийский колорит происходящего – ср. содержащуюся в англо-индийском словаре (где интересующая нас единица имеет форму 'pial') дефиницию: **'A raised platform on which the people sit, usually under the verandah, or on either side of the door of the house. It is a purely S [outh] Indian word...'** [9, p. 703].

Думается, что в данном случае мы как раз и имеем дело с ярко выраженным *локализмом* (поскольку относится данная лексема лишь к части территории страны). Вместе с тем она довольно ярко демонстрирует некоторую условность понятия «индийская реалья» (о чем уже упоминалось выше), поскольку возводят его к португальскому *royoe/royal* («скамья», «стул»), т.е. в саму Южную Индию оно **пришло из европейского языка**.

I had to note all this within a split second, and then, outside, whether he walked to the hotel or called a taxi or haggled with the one-horse jutka. [8, p.36]

Все это я должен был заметить в один миг, а потом еще проследить, как он поведет себя по выходе из вокзала: пойдет в гостиницу пешком, или кликнет такси, или спешит рядиться с владельцем одноконной повозки [3, с. 54].

В процитированном фрагменте переводчица вообще прибегла к приему функционального аналога (причем, весьма приблизительного).

Последствия, впрочем, оказались вполне идентичными тем, о которых речь шла в предыдущем примере. Вряд ли приходится отрицать, что локальный колорит здесь оказывается в значительной степени утраченным, о чем наглядно свидетельствует толкование этой лексемы, относящееся к периоду Британской Индии: *‘The native cab of Madras, and of Moffusil towns in that Presidency...It consists of a sort of a box with Venetian windows on two wheels, and drawn by a miserable pony. It is entered by a door in the back’* [9, p. 474].

Причем, что также предполагает соответствующую фоновую информацию у читателя оригинала, – составители словаря подчеркивают, что данное средство передвижения выглядит весьма жалко в глазах европейца, представляя собой *‘a conveyance only to be characterized by the epithetram shackle’* [9, p. 474].

Однако вряд ли на основании приведенных примеров можно было бы говорить о том, что для переводческой стратегии Н. Демуровой при передаче рассматриваемого произведения вообще характерен прием «дереализации», т.е. отказ от введения реалий как таковых. Приведем примеры **противоположного характера**:

I said to him, “You know Bharat Natvam is really the greatest art-business today [8, p.144].

Я ему сказал: «Знаешь, на “бхаратнатьям” теперь можно делать замечательные дела» [3, с. 160].

Bharat Natvam – один из стилей индийского классического танца.

She would then spend an hour or two in the forenoon studying the ancient works on the art, Natya Shastra of Bharat Muni, a thousand years old [8, p. 108].

Днем она будет проводить часа по два за изучением древних трактатов о танцах, например «Ятья-шастра» Муни Бхараты, который насчитывает уже тысячу лет [3, с. 123].

Natya Shastra of Bharat Muni – древнейший из дошедших до нас трактатов о театральном искусстве (его относят к третьему веку н. э.), автором которого считается Муни (то есть мудрец) Бхарата.

Не останавливаясь на других, достаточно многочисленных, случаях, отметим, что в целом (хотя, естественно, данная тенденция не носит абсолютного характера) перевод Н. Демуровой достаточно сохраняет «общеиндийский» колорит произведения. Однако, как показывают приведенные выше примеры, в ряде моментов в русском тексте ослаблен собственно южноиндийский колорит, считающийся одним из наиболее характерных черт англоязычного подлинника. В данном случае можно, вероятно, согласиться с тем, что при передаче художес-

твенного произведения, рассчитанного на массового читателя, подобное решение имеет свои основания. Само по себе включение в русскую версию транскрибированных/транслитерированных единиц типа пиол или джутка вряд ли привело бы к какому-либо иному результату, кроме дополнительной «варваризации», затрудняющей восприятие и без того, в немалой степени, «экзотизированного» для отечественной аудитории произведения.

Таким образом, вопрос о сущности локализмов и возможности/целесообразности их сохранения представляется достаточно актуальным как с теоретической, так и с практической точки зрения и заслуживает дальнейшего исследования.

Литература:

1. *Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т.* Межкультурная адаптация художественного текста. – М.: Прометей, 2003. – 173 с.
2. *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
3. *Нарайян Р.К.* Святой Раджу. Пер. Н. Демуровой. – М.: Гослитиздат, 1961. – 232 с.
4. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
5. *Модестов В.С.* Художественный перевод: история, теория, практика. – М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2006. – 463 с.
6. Definition of Anglo-Indian in English // Oxford Dictionaries. Электронный ресурс. [URL] // <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/Anglo-Indian>. Дата обращения 08.11.2013.
7. *Ejaz A.* The Language of R.K. Narayan. A Discourse Analyses // Indian Fiction in English. Roots and Blossoms. – New Delhi: Sarup and Sons, 2007. – P. 34 – 44.
8. *Narayan R.K.* The Guide // Indian Thought Publications: Mysore Methuen & Co Ltd: London., 1958. – 221p.
9. *Yule H. & Burnell A.C. Hobson-Jobson.* The Anglo-Indian Dictionary. – Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd, 1996. – XLVIII+1020 p.